

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ И СРЕДА

Елена Александровна Баженова
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

В статье рассматривается проблема взаимодействия текста и среды. Под средой автор понимает социокультурный и когнитивный контекст научного произведения. Кроме того, уточняется понятие интертекстуальности применительно к сфере научной коммуникации.

Ключевые слова: системность текста; научный текст; экстралингвистические факторы научной коммуникации; диалогичность; интертекстуальность; субтекст.

Как всякая сложная система, текст предполагает наличие внесистемных (сверхсистемных, иносистемных) элементов. По мнению Ю.М.Лотмана, «если описание, элиминирующее из объекта все внесистемные его элементы, вполне оправдывает себя при построении статических моделей и требует лишь некоторых коэффициентов поправки, то для построения динамических моделей оно в принципе создает трудности: одним из основных источников динамизма семиотических структур является постоянное втягивание внесистемных элементов в орбиту системности и одновременное вытеснение системного в область внесистемности» [Лотман 1992: 90]. Ю.М.Лотман подчеркивает, что внесистемное – не значит хаотическое, см.: «Внесистемное – понятие, дополнительное к системному. Каждое из них получает полноту значений лишь во взаимной соотнесенности, а совсем не как изолированная данность» [там же: 93].

«Сверхсистемную зону» текста мы связываем прежде всего с реализацией речевой системности функционального стиля. Это, если так можно выразиться, первый уровень сверхсистемного, ближайшее языковое «окружение» текста. В свою очередь, речевая системность стиля обусловлена экстралингвистическими – социальными, культурными, коммуникативными, когнитивными, психологическими, прагматическими – факторами, комплекс которых формирует более высокий уровень сверхсистемного «окружения» текста.

Иерархия экстралингвистических параметров научного стиля определена М.Н.Кожиной, которая в качестве важнейших называет форму общественного сознания с соответствующим ей видом деятельности, а также тип мышления. Отсюда вытекают цели и задачи коммуникации,

характер содержания высказывания, типичные ситуации общения [Кожина 1972]. Данные факторы потому являются базовыми, что выражают взаимосвязь речи и мышления, т.е. самый глубокий и определяющий уровень соотношения лингвистического и экстралингвистического. Значит, сверхсистему текста составляет *все многообразие экстралингвистического окружения*, весь, по выражению Ю.М.Лотмана, «обволакивающий» структуру текста внесистемный материал. Именно благодаря обусловленности речевого сообщения экстралингвистическим контекстом, текст приобретает качественный (смысловой) прирост. При этом происходит глубокая перестройка экстралингвистического при вовлечении его в текстообразующую деятельность субъекта – перестройка, преобразующая экстралингвистическое в языковое (текстовое).

Рассмотрение всех составляющих сверхсистемной «стихии» текста в рамках одной статьи вряд ли возможно, поэтому обратимся лишь к некоторым аспектам этой проблемы, в частности к вопросу взаимодействия **текста и среды**, понимаемой как *социально-культурный контекст, в котором функционирует речевое произведение*. Контакты текста и среды проявляются в различных формах воздействия среды на текст и воздействия текста на среду, так как последний, будучи явлением не только лингвистическим, но и экстралингвистическим, самим фактом своего существования так или иначе изменяет окружающую действительность.

Проблема связи текста и среды разрабатывается прежде всего применительно к художественным произведениям в рамках семиотики культуры, лингвокультурологии и стилистики художественной речи, где среда определяется как культурная и историческая эпоха написания

произведения, общность эстетического языка автора и читателя, межтекстовые связи (диалог текстов) в континууме культуры.

Так, в работах Ю.М.Лотмана по семиокультурологии текст рассматривается как явление культуры, а культура – как текст, точнее, бесконечный континуум текстов. В семиотическом смысле каждый текст становится своеобразным культурным знаком и содержит в себе различные «семиотические миры» – многообразные культурные коды, требующие дешифровки. Такой «многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память, т.е. не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [Лотман 1981: 5-6].

Являясь носителем «культурной памяти», текст обладает способностью к непрерывному пополнению, а также к актуализации одних компонентов содержащейся в нем информации и временному или полному «забыванию» других. Ю.М.Лотман уподобляет текст «информационному генератору, обладающему чертами интеллектуальной личности», а процесс восприятия и дешифровки текста – «акту семиотического общения человека с другой автономной личностью» [там же: 7]. При таком понимании социально-коммуникативные функции текста значительно усложняются: он оказывается не только средством передачи сообщения от автора к читателю, но и участником «общения» с культурным контекстом.

Очевидно, что текст, по Ю.М.Лотману, творится по законам не только языка, но и широкого социокультурного контекста. Функционируя в культуре, текст, с одной стороны, вступает в диалог с ранее созданными текстами и обеспечивает обогащение и саморазвитие культуры. С другой стороны, включая в себя ранее созданные тексты, он сам обогащается и приобретает свойства не только лингвистического, но и социально-культурного феномена.

Как известно, в русской филологии идея о взаимодействии текстов в рамках одного контекста впервые была высказана М.М.Бахтиным и реализована им в понятии диалогичности как свойстве всякого текста [Бахтин 1979]. Одним из видов текстового взаимодействия является «чужая речь», которая «мыслится говорящим как высказывание другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное, конструктивно

законченное и лежащее вне данного контекста. Вот из этого самостоятельного существования “чужая речь” и переносится в авторский контекст, сохраняя в то же самое время свое предметное содержание и хотя бы рудименты своей языковой независимости» [Бахтин 1975: 114].

Работы М.М.Бахтина положили начало исследованиям в области поэтики чужого слова в самых разных его проявлениях, предметом же специального изучения межтекстовое взаимодействие стало в культурологической школе Р.Барта – Ю.Кристевой, где оно получило обобщение в понятиях «интертекста» и «интертекстуальности». По мнению Р.Барта, всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, он соткан из цитат, отсылок, отзвуков – языков культуры, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию [Барт 1994: 418].

Проблема интертекстуальности может быть рассмотрена в двух аспектах. Первый аспект связан с пониманием текста как явления культуры (культурного знака или кода), а культуры – как текста: каждый текст оказывается погруженным в бесконечное культурное пространство, в котором пересекаются различные культурные коды. При таком понимании интертекстуальность оказывается *внетекстовой* категорией – универсалией культуры и ее моделирующим свойством. Данный аспект взаимоотношения текста и среды изучается культурологией, прежде всего семиокультурологией.

Для лингвистики же взаимодействие текста и среды представляет интерес только в том случае, если его результаты выражены в самом тексте. Это обуславливает второй аспект проблемы интертекстуальности, связанный с ее пониманием как *внутритекстовой* категории, отражающей 1) устройство многомерной структуры целого текста; 2) межтекстовые связи, представленные цитатами, аллюзиями, реминисценциями, ссылками, парафразами, пародиями и др.; 3) языковые механизмы пересечения текстов в тексте, обеспечивающие приращение смысла произведения.

Собственно лингвистический аспект проблемы межтекстового взаимодействия в **художественной** коммуникации глубоко разработан Н.А.Кузьминой, предложившей оригинальную концепцию интертекстуальности, основывающуюся на понятии энергии – «способности текста или субъекта производить работу по генерации смыслов» [Кузьмина 1999₁: 12]. Автор называет интертекст «объективно существующей информационной реальностью, являющейся продуктом творческой деятельности человека, способной бесконечно самогенерироваться по стре-

ле времени» [там же: 10], а интертекстуальность – онтологическим свойством художественного текста, обеспечивающим его вхождение в культурный процесс [там же: 15].

В рассматриваемой концепции по-новому решается проблема цитирования. С одной стороны, цитация предполагает креативную деятельность читателя, направленную на «вычитывание» смысла произведения. С другой стороны, цитата служит энергообменом между прототекстом и новым текстом, см.: «Цитата ... – интертекстуальный знак с высоким энергетическим потенциалом, позволяющим ему продвигаться во времени и пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы и тем самым увеличивая энергию» [там же: 7].

В концепции Н.А.Кузьминой подтверждается значение сверхсистемного (в данном случае интертекстуального взаимодействия произведений) для создания, функционирования и восприятия художественного текста. Этот вывод со всей определенностью сформулирован исследователем в следующем высказывании: «Художественное произведение становится текстом тогда, когда актуализируется его интертекстуальность» [Кузьмина 1999: 25].

Нам представляется, что для изучения **научной** коммуникации проблема взаимодействия текста и среды не менее значима.

Во-первых, смысловая структура научного текста закономерно обусловлена экстралингвистическими факторами познавательной деятельности, спецификой коммуникации в научной сфере, а также принципом кумуляции (накопления) знания. Во-вторых, в отличие от художественного, научный текст способен оказывать прямое воздействие на среду, формируя и изменяя не только научную картину мира человека, но и саму действительность, материальную практику людей. Наконец, новое знание только тогда приобретает научную ценность, когда подвергается апробации, становится достоянием научного социума. Исходя из этого, *среду научного текста* можно определить как совокупность внешних (экстралингвистических) факторов, норм научной деятельности и общения в научной сфере, которые прямо или косвенно воздействуют на формирование и развитие научного стиля и определяют стилистико-речевую специфику текста.

Применима ли концепция интертекстуальности, возникшая в недрах семиотики, поэтики и культурологии, к исследованию научного текста? Ответ на этот вопрос, по-видимому, зависит от того, какое содержание вкладывается в понятия культуры и науки и под каким углом зрения исследуется научный текст.

Если исходить из понимания культуры как устройства, вырабатывающего информацию, т.е. всего неприродного, вторичного (созданного человеком), то правомерно, наряду с искусством, религией, правом, политикой, экономикой, включать в систему культуры и науку как активную деятельность субъекта, направленную на познание мира в целях его преобразования и практического использования. Научные тексты, являясь продуктами творческого мышления человека и формой материализации научного знания, функционируют в системе культуры наряду с другими видами текстов – художественными, деловыми, публицистическими, религиозными. Иначе говоря, научные произведения, встраиваясь в научную коммуникацию и взаимодействуя друг с другом в бесконечном процессе познания, входят в научный, а значит, и в культурный контекст цивилизации и пополняют его глобальный континуум. Следовательно, интертекстуальность культуры обеспечивается и научными текстами. Исходя из этого, изучение интертекстуальности научной коммуникации позволяет выявить реальные механизмы приращения знания, а сам текст рассматривать как явление, обогащающееся в процессе своего исторического (интертекстуального) функционирования, что в конечном счете ведет к более глубокому раскрытию собственно лингвистической специфики научного текста.

Кроме того, понятие интертекстуальности непосредственно связано с диалогичностью – имманентным признаком культуры. Свойственна ли диалогичность научной деятельности?

Результаты исследований в области теории познания, психологии научного творчества, науковедения позволяют утверждать, что наука диалогична по своей природе: *развитие* знания, *достижение* нового знания, *изменение* научной парадигмы вызываются и постоянно сопровождаются обменом, столкновением, борьбой мнений в форме дискуссий и полемики, ибо наука находится в вечном процессе движения, разрешения противоречий между старым и новым знанием, между разными подходами к поиску истины. Поскольку знание в конечном счете выражается в материально-предметной форме – тексте, правомерно утверждать, что в тексте эксплицируется и сам источник противоречий, диалектика нового и старого, обеспечивающая возможность непрерывного развития науки.

Автор научного труда обычно стремится «встроить» новую информацию в уже имеющуюся систему, так как системность знания подразумевает существование некоего критерия истинности, признаваемого в данный момент данным научным сообществом. Поэтому тексты,

вошедшие в корпус дисциплинарного знания, задают образцы для создания новых текстов. Всякая научная публикация является, как правило, реакцией на предшествующие труды и в свою очередь сама становится стимулом для научного творчества. В этом смысле каждое научное произведение – это микротекст в общенаучном макротексте, реплика в бесконечном диалоге нового и старого знания.

Социально значимым делает текст заключенная в нем новая информация. Его отличия от прежних текстов позволяют продолжать диалог, так как противоречие между старым и новым рождает свежие идеи и решения, а значит, порождает новые тексты. Таким образом, научный текст включается в систему отношений с предшествующими и потенциальными текстами и сам становится «репликой» в диалоге. Диалогичность познания репрезентируется в структуре готового текста отраженными в сознании ученого «чужими» текстами, которые, подвергаясь интерпретации, актуализируют старое знание, релевантное для автора. Все это позволяет говорить о текстообразующей функции выраженных в произведении интертекстуальных связей.

Итак, идея интертекстуальности, активно разрабатываемая на материале художественной речи, оказывается в еще большей степени – с учетом экстралингвистической специфики научного стиля – продуктивной и для исследования научного текста. В.Е.Чернявская называет интертекстуальность научного текста *универсальным принципом* текстопорождения, отражающим открытый и бесконечный диалог субъектов познания и развиваемых ими смысловых позиций; *текстовой категорией*, которая имеет «определяющее значение для организации научного произведения и на глубинном, смысловом уровне (в плане формирования идей, теорий), и на формально-языковом (как эксплицитное маркирование чужих смыслов)»; *категорией*, «обеспечивающей раскрытие имманентного свойства научного текста – генерирования новых смыслов через взаимодействие со многими смысловыми системами» [Чернявская 1999: 4, 11].

В связи с тем что темп развития науки в целом и темп накопления и эволюции научных знаний конкретного ученого чаще всего не совпадают, в познавательной деятельности сформировался способ приведения второго в соответствие с первым. Таким способом становится взаимодействие идей предшественников и развитие этих идей, использование «чужой» информации, отнесение ее в разряд «фоновых» знаний и своеобразное «перепрыгивание» через нее [Леонтьев 1974: 162]. По обоснованному утверждению К.Поппера, «знание не может начинаться с ниче-

го – с *tabula rasa* – и даже с наблюдения. Прогресс знания состоит главным образом в модификации прежнего знания» [цит. по: Ильин, Калинин 1985: 20].

Интертекстуальность научной коммуникации соотносится с содержательно-смысловой открытостью текста по отношению к другим текстам; коммуникативно-прагматической и психологической открытостью текста читателю; идейной и тематической открытостью друг другу текстов одного автора; внутренней содержательной открытостью друг другу смыслов и структурно-композиционных частей одного и того же текста; типологической открытостью текстов одного класса, а также открытостью отдельного типа текста более общим функционально-стилистическим системам. Сказанное позволяет утверждать, что интертекстуальность является сквозной категорией целого текста, детерминированной именно сверхсистемными (т.е. экстралингвистическими) текстообразующими факторами.

Интертекстуальные пересечения нового и старого знания представлены практически в каждом научном произведении, при этом их корректное оформление является императивной стилистической нормой научного изложения. Точность и достоверность в указании источников, подчеркнутое выражение преемственности в развитии идеи, акцентирование связей собственной научной концепции с наблюдениями и выводами предшественников составляют этический кодекс автора, соблюдение которого свидетельствует о его научной добросовестности. Ср.: «Вся жизнь науки возможна только при широко распахнутых окнах и достаточно ярком свете» [Фрумкина 1995: 4].

Актуальное для ученого содержание старого знания получает речевую реализацию посредством иносубъектного компонента научного текста – *субтекста старого знания*, который представляет собой *особую форму речевого поведения автора, связанного с усвоением и творческой переработкой зафиксированного в текстах предшественников (прототекстах) научного знания, актуального для проводимого исследования* [подробнее см.: Баженова 2001: 154-177].

Встраиваясь в речевую ткань нового научно-произведения, субтекст старого знания – в соответствии с этическими и стилистическими нормами – всегда сохраняет в нем свою автономность и отчетливые контуры благодаря использованию специальных сигналов дистанции, в роли которых выступают кавычки, имена собственные, ссылки на источник чужой речи и др. Эти ксенопоказатели, наряду со средствами ввода чужой речи, обеспечивают механизм членения

интеллектуальной информации текста на фоновую, отражающую предшествующее знание, и новую, т.е. собственно авторскую.

Чередование нового и старого знания формирует специфическую – «оконную» – структуру научного текста, характеризующуюся перерывами в изложении нового знания и включением в него «порций» предпосылочного знания, в сопоставлении с которым отчетливо выявляется новизна авторской концепции. (Понятие «оконной структуры» принадлежит М.Райану, который, изучая динамику смысла в тексте, сравнивает способ актуализации в нем основной и фоновой информации с устройством и принципами работы операционной системы «Windows» и ее приложений [см.: Ryan 1978]).

С коммуникативно-прагматической точки зрения «оконный» принцип организации текстового пространства представляется эффективным способом актуализации и расширения фоновых знаний читателя, фиксации его внимания на эвристичности и оригинальности излагаемой концепции, средством акцентирования личного вклада автора в решение проблемы. Кроме того, данная стратегия текстопостроения обеспечивает вовлечение адресата в диалог не только с автором произведения, но и с его предшественниками – единомышленниками и оппонентами, что способствует творческому восприятию научного содержания текста.

Таким образом, проблема соотношения текста и среды может быть конкретизирована как проблема интертекстуальности, если под последней понимать открытость текста во внетекстовое пространство и его интегрированность в сверхсистему культуры или – если речь идет о научном тексте – в континуум науки в совокупности составляющих ее видов знания: предпосылочного, нового и прогностического. Рассмотренный аспект лингвостилистического исследования текста позволяет точнее определить устройство смысловой структуры речевого сообщения, характер и способы текстообразования, а главное – выявить механизмы приращения смысла, того качественного «скачка», который

превращает текст из узколингвистической единицы в феномен коммуникации.

Список литературы

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 413-423.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 320 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 279 с.

Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: гносеологический анализ. М.: Высшая школа, 1985. 324 с.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь / Перм. ун-т, 1972. 395 с.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. н. Екатеринбург, 1999₁. 42 с.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. ун-т, 1999₂. 285 с.

Леонтьев А.А. Психология общения / Тарт. ун-т. Тарту, 1974. 230 с.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Структура и семиотика художественного текста: Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. С.3-18.

Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. С.90-101.

Фрумкина Р.М. Есть ли у лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца XX в. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С.74-117.

Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. 170 с.

Ryan M.-L. On the window structure of narrative discourse // *Semiotica*. Amsterdam, 1978. Vol. 64. № 1-2. P.69-81.

SCIENTIFIC TEXTS AND THE CONTEXT

Elena A. Bazhenova

Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

The article deals with the relations of text as a system and “metasystem” context. The notion of intertextuality is applied to the sphere of scientific communication.

Key words: text system; scientific text; extralinguistical factors of scientific communication; dialog of texts; intertextuality; subtext.